

**Вопросы истории и культуры
северных стран и территорий**

**Historical and cultural problems
of northern countries and regions**

Научные статьи

УДК 94:271.2(470.12-25)"192/193"

**Пути и формы сохранения традиции иконопочитания
в период 1920-1930-х годов
(по материалам Вологды)**

Спасенкова И.В.¹

Аннотация. В статье рассматриваются пути и формы бытования древней традиции иконопочитания в условиях агрессивной антицерковной и антирелигиозной политики советского государства в 1920-1930-е годы. Тема представлена на примере Вологды – старинного русского православного города. Показана борьба православного сообщества за сбережение важнейших общегородских икон и святынь, а также акции протеста. Устанавливается, что традиция иконопочитания не была разрушена. Сократилась лишь сфера ее публичного бытования.

Ключевые слова: иконопочитание, чудотворные иконы, антицерковная политика, религиозные практики, сакральное пространство.

**Ways and forms of preserving the tradition
of veneration of icons in the period 1920-1930-ies
(based on materials from Vologda)**

Spasenkova I.V.¹

Abstract. The article examines the ways and forms of the existence of the ancient tradition of veneration of icons in the conditions of the aggressive anti-church and anti-religious policies of

the Soviet state in the 1920s-1930s. The theme is presented on the example of Vologda - an ancient russian orthodox city. It shows the struggle of the Orthodox community for saving important citywide icons and shrines, as well as protests. It is established that the tradition of veneration of icons was not destroyed. Reduced only the scope of its public existence.

Keywords: veneration of icons, miracle-working icons, anti-church politics, religious practices, sacral space.

¹*Спасенкова Ирина Валентиновна, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории, истории культуры и этнологии Вологодского государственного университета. ул. Мальцева, 2, 160001, г. Вологда, Российская Федерация.*

Spasenkova Irina Valentinovna. Candidate of Science (History), docent of Department theory, cultural history and Ethnology, Vologda State University. Mal'tseva str., 2, 160001, Vologda, Russian Federation.

E-mail: irinaspas@mail.ru

© **И.В. Спасенкова**

В этнологических исследованиях устойчивая традиция почитания икон рассматривается как комплекс сложившихся взаимосвязанных практик: обрядов, обычаев, духовно-нормативных установок, мотивов и ожиданий [9; 10]. Эта практика была буквально пропитана как догматически-каноническими взглядами, так и установками бытового этносознания, сформированного многовековой религиозной жизнью. Многие излюбленные иконы были легко узнаваемыми и одинаково почитаемыми многими поколениями православных людей в различных регионах России. Маршруты массовых паломничеств к известным чудотворным иконам создавали в России свою сеть локальных и общерусских коммуникаций, уникальную сакральную топографию. Можно сказать, что икона становилась одним из столпов этнической, конфессиональной и локальной идентичности [7].

В послереволюционные годы, как известно, в рамках антицерковной и антирелигиозной линии советской власти энергично и агрессивно проводилось иконоборчество. Почитаемые иконы изымались из храмов, подвергались

осквернению, убирались в тайники музейных фондов и даже уничтожались. Публичное почитание икон повергалось осмеянию, а, порой, и преследовалось.

Что происходило в этих условиях с традицией иконопочитания? Как и в каком направлении она трансформировалась? Что предпринимали православные люди для ее сохранения? Попыткой ответить на эти вопросы и является данная статья, подготовленная на материалах Вологды – старинного православного русского города.

Основными источниками стал фонд 53 Государственного архива Вологодской области («Вологодский губернский отдел управления», сосредоточивший в себе весьма информативные организационно-распорядительные, докладные и контрольные материалы), документы архива УФСБ по Вологодской области, местная периодика 1920-30-х годов, а также полевые материалы автора 1998 года, собравшие воспоминания вологодских старожилов. Источники содержат сведения о путях и формах сохранения вологжанами традиций иконопочитания в дни гонений на веру.

Несомненно, что общие устремления верующих были связаны с сохранением самых прославленных икон города.

Главная святыня Вологды, чудотворная икона Всемиловитого Спаса, до 1924 года находилась в Спасо-Всеградском соборе. Этот собор и в религиозной жизни города имел особое значение. Каменный собор был возведен на месте небольшого деревянного храма, построенного в середине XVII века по общегородскому обету за один день («об ин день») во время опустошавшей город «моровой язвы». Собор так и именовался – Спасо-Всеградский обетный обыденный собор.

После закрытия собора икона была передана 11 марта 1924 года в Кирилло-Рощенскую приходскую церковь [2, Д. 309, Л. 39]. Там она располагалась до 29 декабря 1926 года [2, Д. 251, Л. 77], когда в результате общей проверки богослужебного имущества храмов Вологды икона была передана в Вологодский музей.

В связи с этим Спасо-Всеградский собор, а затем и Кирилло-Рощенская церковь, были всегда наполнены молящимися, «приходящими на поклонение этой святыне» [2, Д. 267, Л. 71]. В дни празднования чтимого образа – 31 октября – совершались высокаторжественные службы. Так, в 1924 году в ночь с 30 на 31 октября Вологодский губисполком разрешил

открыть для молящихся Кирилло-Рощенскую церковь на всю ночь в связи с тем, что «жители окрестных селений, приходящие на этот праздник, после всенощной остаются в храме до начала утреннего богослужения» [2, Д.251, Л.24.].

Передачу иконы в Вологодский Губмузей верующие вологжане восприняли негативно. В местные и центральные органы власти поступали многочисленные прошения о возвращении иконы верующим [2, Д. 251, Л.75-75 об.]. В сводках ОГПУ за январь 1927 года зафиксирован следующий факт: «В июне 1926 года Губернский исполком вынес Постановление об изъятии данной иконы, однако община оказала в этом большое сопротивление и икона осталась не изъята» [1, Л.70]. В донесениях осведомителей от 24 мая 1928 года отмечалось, что «несколько староцерковнических приходов сразу же после изъятия иконы, обращались в Губадмотдел и Губмузей с просьбой выдать им икону «Спаса обиденного», как чтимую верующими. Губадмотдел и Губмузей в просьбах староцерковников отказывали» [1, Л.163].

В 1928 году приходские общины города вновь возбуждали ходатайство о возвращении иконы в один из храмов Вологды, «чтобы она была доступна для поклонения всех желающих» [2, Д. 267, Л. 70]. Православные вологжане обращали внимание на то, что «возвращение в пользование верующих чтимого образа Спаса Всемилоостивого, а также и других святынь Спасо-Всеградского собора, вывезенных из Кирилло-Рощенской церкви, внесет духовное удовлетворение, а может и примирит верующих с картиной разрушения местных святынь» [2, Д. 251, Л. 76]. Были попытки возбудить ходатайство о передаче иконы и обновленческим общинам города [1, Л.163]. Однако, несмотря на длительные переговоры с властью, икона так и не была возвращена православным.

Другой общегородской святыней являлся местночтимый образ Божьей Матери «Всех Скорбящих радости», находившийся до 1918 года в тюремной Скорбященской домово́й церкви. После закрытия данной церкви икона была передана в действующий Вознесенский храм. Во время проводимого изъятия церковных ценностей были попытки снять медную ризу с иконы. Тогда представители Вознесенской общины заявили протест «против снятия ризы Скорбящей с иконы Скорбящей Божией Матери и просят оставить таковую в храме как местночтимую святыню и, по мнению представителей

общины, чтимую всем православным населением г. Вологды и окрестностей, как чудотворную, а также потому, что ризою прикрывается древняя ветхость иконы, и если с нее снять ризу, то весь вид иконы теряется» [2, Д. 295, Л. 20-21 об.]. Несмотря на несогласие членов комиссии по изъятию церковных ценностей, риза была сохранена [2, Д. 295, Л. 7].

После закрытия Вознесенской церкви в 1928 году святыня была перенесена в храм Дмитрия Прилуцкого [2, Д. 295, Л. 20, 140]. В имеющихся в нашем распоряжении сводках ОГПУ неоднократно отмечалось, что многолюдные службы в Вознесенском, а затем и в Дмитриевском храме, напрямую связаны с наличием у приходской общины чтимой иконы. Многолюдные моления у этой иконы в дни репрессий и гонений фактически означали акт православного осуждения такой политики.

В Никольской Глинковской церкви находилась чудотворная икона Божией Матери «Казанская», перенесенная в 1930 году в теплую Богородскую кладбищенскую церковь. По сведениям современников, «на поклонение к этой иконе в 1930-е годы собирался народ со всей округи» [6 – И.С. Полянская].

Икону Божией Матери «Неопалимая Купина», находившуюся в 1920-е годы в Покрово-Козленской церкви, во время пожара 1920 года носили по домам, желая предотвратить стихию. Благоговейное отношение к этой святыне особенно проявлялось среди прихожан данного храма. Все эти годы в день праздника иконы совершалось торжественное праздничное богослужение с приглашением епископа, профессионального хора и духовенства города [2, Д. 813, Л.189].

Традиция иконопочитания в исследуемый период проявлялась и в других благочестивых обычаях. Как стало известно из воспоминаний современников, «долгое время - до середины 1930 годов - при пересечении улиц Галкинской и Копанки, у Кузницы, находилась большая икона Божией Матери - Царицы небесной, и все проходящие обязательно крестились на сей образ» [6 – Р.А. Андреева]. В источниках за 1923 год мы находим следующее свидетельство: «На одном из домов (на окне) по улице Чернышевского (возможно, в данном случае имеется в виду дом помещика Зубова, приобретенный Братством Всемилового Спаса, где до 1917 года располагались бесплатная библиотека и читальня - И.С.), где находилось богоугодное заведение, находилась икона

Богородицы. Прохожие останавливались и крестились перед иконой. Теперь, когда икону сняли, прохожие, проходя мимо дома, обычно по-прежнему крестятся» [8].

Особо почитались верующими храмовые иконы. Вероятно, именно с этим можно соотнести желание приходских общин иметь чтимые образа даже после закрытия приходского храма и перехода общины в действующую церковь, а также требования вернуть в пользование верующих приходские иконы, изъятые в результате конфискационной политики государства. Проявлением искреннего почитания приходских святынь было украшение икон и возложение к ним цветов в праздничные дни [6 – Е.С. Палтусова].

Бережно сохранялись иконы и в повседневной жизни. У многих вологжан они по-прежнему венчали красный угол. И.С. Полянская вспоминает: «Иконы всегда были дома, за них не очень ругали. Особенно дороги иконы Богородицы, Спасителя, Николая Чудотворца. Без Иисуса Христа не было ни одного дома. Как правило, иконы стояли на кухне, в углу, в праздники обязательно зажигали лампы. В более поздние времена заставляли убрать иконы, но мама не убрала, так и отступились. Очень много икон было у папы (протоиерея о. Симеона Видякина - И.С.), после войны его иконы мама сдала в Богородскую церковь» [6 – И.С. Полянская]. Е.С. Палтусова информирует: «Все иконы перешли нам от бабушки. Дома было много икон: 4 больших иконы Покрова Пресвятой Богородицы, Скорбящая Всех Радости, Николая Чудотворца и Казанской Божией Матери. Под этими иконами висели лампы, которые зажигали обычно вечером, перед чтением молитв. Каждый из членов семьи хранил лик своего святого. У меня была еще и серебряная иконка Скорбящая Всех Радости с колечком. ...Когда кто-нибудь болел дома, над его головой обычно весили иконку» [6 – Е.С. Палтусова].

Выявлены и еще три места особого общегородского почитания: целебный колодец Свято-Духова монастыря, могила вологодского юродивого Николая Рынина, и крест на колокольне Горнего Успенского женского монастыря. В 1920-е годы, до самого закрытия церкви Свято-Духова монастыря к колодцу приходили горожане и жители окрестных сел, верившие в целительную силу воды. В источниках отмечается: «В праздник 28 мая 1923 года целый день шел народ, даже была очередь» [4].

Землю с могилы Николая Рынина считали целебной [3]. Священнослужители Богородского кладбищенского храма вели учет исцелений от различных недугов. Это стало одной из причин ареста всего причта Богородской кладбищенской церкви в октябре 1926 года. Против священнослужителей возбудили уголовное дело [1, Л. 95-95 об.]. Между тем, по мнению современников, подобные факты чудотворений наблюдались в течение всех последующих лет, однако о них предпочитали умалчивать, дабы сохранить чтимую могилу.

В течение 1920-х годов на колокольне бывшего Горнего Успенского женского монастыря был сохранен крест, даже в то время, когда монастырь был передан военной роте. Крест всегда был освещен лампадами, проходившие мимо него совершали крестное знамение.

Выявленные материалы со всей очевидностью свидетельствуют о том, что в 1920-1930-е годы древняя традиция иконопочитания не была разрушена. Сократилась лишь сфера ее публичного бытования. Религиозные практики почитания икон были теперь на длительное время ограничены рамками двух действующих храмов и рамками семьи - «малой Церкви». Ограниченность не означала какого-либо искажения сути иконопочитания. А это означало, что в пространстве «социалистического» города продолжали присутствовать образы православных подвижников, жизнью своей свидетельствующих о силе духовных идеалов христианства.

Список литературы и источников

1. Архив УФСБ ВО – Архив УФСБ по Вологодской области. Ф.3, Т.18.
2. ГАВО – Государственный архив Вологодской области. Ф.53, Оп.2.
3. Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Введенская Оптина пустыня. Декабрь. Часть 1. 1994. С. 137-147.
4. Источник заразной болезни // Красный Север. 31 мая. 1923. С. 2.
5. Неопалимая купина // Красный Север. 24 сентября 1925. С. 6.

6. ПМА – Полевые материалы автора. Вологда - 1998 год. (Информаторы Р. А. Андреева – 1928 г.р., И. С. Полянская – 1923 г.р., Е.С. Палтусова – 1919 г.р.)

7. Спасенкова И.В. Почитание святынь как этнокультурная основа российской цивилизации // Вестник российской нации. 2014, № 6. С.505-508.

8. У страха глаза велики // Красный Север. 22 мая. 1923. С. 2.

9. Цеханская К.В. Иконопочитание в русской традиционной культуре. М.: ИЭА РАН, 2004. 256 с.

10. Цеханская К.В. Почитание православных святынь в России. М.: Паломник, 2013. 400 с.